

КАВКАЗСКИЕ МОТИВЫ В ТВОРЧЕСТВЕ РУССКИХ ПОЭТОВ И ПИСАТЕЛЕЙ – УЧАСТНИКОВ КАВКАЗСКОЙ ВОЙНЫ

Ш. А. ГАПУРОВ, В. Х. МАГОМАЕВ

В наши дни вокруг вопросов, связанных с Кавказской войной, идут ожесточенные дискуссии: о причинах, хронологии, содержании, итогах, уроках. Отрадно отметить, что в последнее время среди кавказоведов наметилось определенное сближение позиций, наметились точки соприкосновения, исчезли резкие определения. Заметным шагом в этом направлении явилась и научная конференция «Кавказская война: символы, образы, стереотипы», прошедшая 28 февраля – 2 марта 2014 г. в Геленджике (с. Кабардинка). Она была организована Южным филиалом Российского института культурологии Министерства культуры Российской Федерации.

Кавказская война всегда, с момента ее возникновения в начале XIX в., была «жгучей» темой. И споры о ней, особенно о ее методах, начались в просвещенном российском обществе уже с 20-х гг. XIX в.

Кавказ, далекая окраина, еще не полностью присоединенная к Российской империи, где шла кровавая война, где гибли русские солдаты, в 20-40-е гг. XIX века оставался малоизвестным краем для подавляющей массы российского общества. Этнографы и историки еще только приступали к изучению этой далекой территории, где к тому же шла война. И в основном писали о Кавказе участники военных действий, те, кто видел горцев в основном сквозь прицел ружья. Писали по-разному. «Движение горцев Дагестана и Чечни под флагом кавказского мюридизма, затрагивавшее интересы слишком многих людей, общественные круги различных народов и стран, не располагало к спокойной, трезвой, объектив-

ной и реалистичной оценке этого крупного и трагического явления», – писал В. Г. Гаджиев [1, 60].

Особую роль в сближении русских и горцев в XIX в. займут русские писатели, поэты и особая категория русских людей, заброшенная на Кавказ в силу особых обстоятельств – декабристы.

Большинство из них стали участниками Кавказской войны, участвовали в боевых действиях против восставших горцев. Но при этом относились к горцам с глубоким уважением и с большой любовью – к самому Кавказу. (Вспомним М. Ю. Лермонтова – «Как сладкую песню Отчизны моей, люблю тебя, Кавказ»). Эти люди пытались понять – чем обусловлено, что горцы так много лет и так упорно воюют? И почти все приходило к выводу: они воюют за свою свободу. Именно это обстоятельство и вызывало восхищение горцами. Так, например, А. Бестужев-Марлинский в письме к братьям от 24 декабря 1832 г. писал: «Я топтал снега Кавказа, я дрался с сынами его – достойные враги. Как искусно они умеют сражаться, как героически решаются умирать».

Участник Кавказской войны, много лет воевавший в Чечне, писатель и поэт К. Белевич так отзывался о тех же чеченцах: «У чеченцев нет привилегированных сословий: нет князей и беков, как у кабардинцев, кумыков и дагестанских народцев: зато каждый чеченец говорит: “я уздень”. Но это не мешает им ходить за сохой или возить дрова на базар... В этом отношении чеченские уздени нисколько не подражают неразумному обычаю кабардинских узденей

и осетинских алдар, которые, когда прижмет нужда, скорее отправятся на воровство, но ни за что не замарают на черной работе своих привилегированных рук.

...Чеченцы вообще трудолюбивы и одарены практическим смыслом ... К характеристическим чертам этого храброго народца следует отнести: гостеприимство, замечательную чистоту и опрятность в жилищах и солидную, без чванства, гордость» [2, 187, 189].

Почему же тогда эти достойнейшие представители русского общества воевали с горцами? Но разве у них был выбор? Они были офицерами и солдатами российской армии, дворянами и были людьми чести в самом высоком понимании этого слова. И они выполняли свой долг, воевали с горцами, которые, говоря словами декабриста Н.И. Лорера, «мне ничего не сделали и против которых и я ничего не имею» [3, 244]. Декабрист В.С. Норов вторит Лореру: «Признаюсь, что я шел в бой за дело, которое мне было совершенно чуждо... Я был тем более далек от того, чтобы считать черкесов своими врагами... Я всегда восторгался их героическим сопротивлением» (цит. по: [1, 63]). (Н.И. Лорер и воевал-то с горцами весьма своеобразно. В большинстве случаев он шел в бой с палкой вместо ружья. Зная об этом, и горцы старались не стрелять в этого «странного русского» [3, 19]). Декабристы были «невольниками чести», говоря словами Лермонтова. Но были и «певцами свободы», в своих мемуарах и литературных произведениях восхваляя горцев, воевавших в течение многих лет за вою свободу.

Русские писатели и поэты, участники Кавказской войны (А.И. Полежаев, М.Ю. Лермонтов, К. Белевич, Л.Н. Толстой), декабристы вовсе не были против присоединения Кавказа к России. Напротив, высоко оценивали важность Кавказа для России. Были уверены, что Россия несет кавказцам цивилизацию, закон и порядок. Так, поэт-декабрист А. Полежаев в стихотворении «Кладбище Герменчукское» писал: «Пришел он (русский стан. – Ш. Г., В. М.) с русскими орлами // Восстановить

права людей, // Права людей – права закона // В глухой далекой стороне» [4, 97].

Декабристы, здравомыслящие русские люди, судьбой заброшенные на Кавказ, были против жестоких военных, силовых методов его присоединения к России. Следует учесть и другое: к моменту приезда на Кавказ эти люди вовсе не испытывали уважительные чувства к горцам. Для них они первоначально были повстанцами, которые восстали против русской власти, русской армии. И лишь после того, как они заводили знакомых и даже друзей среди горцев, близко познакомились с их жизнью, они начинали разбираться в тех сложных обстоятельствах, которые породили Кавказскую войну, и понимать мотивы, которые двигали воюющими горцами. Так, декабрист М.М. Корсаков, поручик лейб-гвардии Гренадерского полка, переведенный на Кавказ в Куринский пехотный полк, служивший в 1830-е гг. в Чечне и в Дагестане, в первый год пребывания в крае весьма резко и нелюбезно отзывался о горцах в своих письмах к родным. Так, в одном из них он писал: «Совершенное истребление всего живого в неприятельских аулах... есть вернейший способ усмирить буйство их (горцев. – Ш. Г., В. М.). Они непривычны к милосердию и умеют только повиноваться при жестоких мерах начальства» [5, 72]. В Дагестане, в Дербенте, Корсаков знакомится с А. Бестужевым-Марлинским и под его влиянием начинает присматриваться к жизни и быту кавказцев, общаться с ними. Вскоре среди горцев у него появляются и друзья. И человек, который в 1831 г. писал, что горцев «надобно держать в ежовых рукавицах», через два года, в 1833 г., в письме к матери, будет совсем по-другому отзываться о дагестанцах и чеченцах: «...С некоторого времени люблю их дикую свободу, люблю их бурную храбрость, люблю их пылкость, и самая дикая природа среди них мне нравится» [5, 73].

Литераторы и декабристы, о которых мы говорим, имели одно главное качество: желание и способность разобраться в том, что происходило на Северном Кавказе в годы Кавказской войны. Чего, скажем, не

было у тех, кто привел к этой войне и к событиям конца XX века в том же регионе. Причем мы имеем в виду обе стороны – и российскую, и горскую.

Особое место среди русских писателей и поэтов – участников Кавказской войны, на чье творчество Кавказ оказал огромное влияние, занимает М. Ю. Лермонтов.

В первый раз Лермонтов был сослан на Кавказ в 1837 г., во второй – в 1840. Следовательно, значительная часть его кавказских произведений написана в период его проживания в России, на родине. Чем же так занимал юного поэта Кавказ? Откуда же она взялась – «кавказская грусть парня»? Видимо, дикой красотой своей природы и неизмеримым свобододолюбием его жителей – горцев, для которых свобода, личная свобода – была превыше всего. Ради этой свободы, пусть не всегда правильно понимаемой (как покажут дальнейшие события, жизнь в составе государства Российского была намного предпочтительнее для горца. Пусть при этом и ограничивалась его личная свобода: законам государства должны подчиняться все. Но для этого понимания нужно было время и терпеливая политика со стороны российской власти) горец готов был пойти на любые лишения и трудности.

Заметное место в кавказском творчестве Лермонтова занимает «чеченский след». Он так или иначе присутствует почти во всех его «кавказских произведениях». От него же, как известно, пошло и выражение «злой чечен», который «ползет на берег» Терека и «точит свой кинжал». Это из его «Казачьей колыбельной песни». Это – вовсе не потому, что Лермонтов плохо относился к чеченцам. Дело в том, что однажды, отдыхая в станице Червленной, поэт услышал, как молодая казачка напева-ет над колыбелью, и тут же, присев к столу, в казачьей хате набросал стихи, ставшие впоследствии народной песней. Этим он вовсе не стремился подчеркнуть непримиримость к чеченцам. Напротив, в повести «Бэла» он преклоняется перед «способностью русского человека применяться к обычаям тех народов, среди которых ему случается жить», о чем он позже, и более

подробно, напишет в очерке «Кавказец» [6, 38, 39]. Среди горцев у Лермонтова был только один близкий друг – чеченец-кунак Галуб, о котором он говорит в стихотворении «Валерик». И, наконец, Мцыри, один из самых ярких и любимых персонажей отечественной литературы. Вряд ли все в нашей стране знают, что прототипом его был чеченец. Ряд литературоведов считает, что в одноименной поэме отразилась судьба художника Петра Захарова. По рождению Захаров – чеченец.

Весьма интересно и другое: после разгрома аула Дады-Юрт в плен попали несколько десятков женщин и детей, и среди них – три мальчика. Всех троих взяли на воспитание русские офицеры. Один из них известен как художник Петр Захаров, ставший прототипом Мцыри. Второй – Бота Шамурзаев, которому в 1819 г. было 9-10 лет (и потому известно его имя), – был взят на воспитание бароном Розеном, закончил кадетское училище, стал офицером, служил в конвое цесаревича Константина в Варшаве, позже был переведен на Кавказ, где и познакомился с Лермонтовым. Ряд исследователей считает, что именно он стал прообразом героя поэмы Лермонтова «Измаил-бей» [7, 55]. Третий мальчик – Айбулат Розен, стал известным поэтом.

Лермонтов был участником многих кровопролитных сражений Кавказской войны и собирался об этом писать. В письме Алексею Лопухину он писал: «Может быть, когда-нибудь я засяду у твоего камина и расскажу тебе долгие труды, ночные схватки, утомительные перестрелки, все картины военной жизни, которых я был свидетелем...» [6, 36] К сожалению, Лермонтов не успел выполнить намеченное. Единственным произведением, в котором наиболее полно и ярко он отразил свои боевые впечатления, стало его стихотворение «Валерик», в котором он описал кровопролитное сражение между отрядом генерала Галафеева и восставшими чеченцами на реке Валерик 11 июля 1840 года.

Российское командование в начале 1840-х гг. оказалось неспособным верно оценить резко изменившуюся военно-по-

литическую ситуацию на Северо-Восточном Кавказе и соответствующим образом выработать новую тактику военных и политических действий. План действий российских войск на Кавказской линии, составленный в 1839 г. исходя из предположения о полном «успокоении края», так и не был изменен после всеобщего восстания в Чечне весной 1840 г. Командующий Кавказской линией генерал П. Х. Граббе, даже получив известия о событиях в Чечне, не придавал им должного значения и продолжал отдыхать в Ставрополе и Пятигорске. Разбираться в ситуации в Чечне он отправил генерала Галафеева, который, «ознакомившись воочию с серьезным положением дел в крае, не считал возможным поступиться даже буквою предположения о действиях на Левом фланге в 1840-м году, а оно... было построено на условии полнейшего спокойствия Чечни и, следовательно, вовсе не соответствовало новой тревожной обстановке» [8, 281].

Кавказское командование по-прежнему продолжало следовать тактике отдельных набегов и экспедиций, надеясь одним решительным ударом покончить с сопротивлением горцев и с имамом Шамиля.

В начале июля 1840 г. кавказское командование получило сведения о том, что Шамиль с основными силами направился в Салатавию, чтобы поднять восстание в этом районе Дагестана. Галафеев решил ударить по Малой Чечне, преследуя две цели: отвлечь от Дагестана тех чеченцев, которые были в войсках Шамиля, и нанести как можно больший урон чеченцам. Вооруженных отрядов имама в этой части Чечни не было, и потому российские войска в начале июля 1840 г., не встречая особого сопротивления со стороны чеченцев, уничтожили селения Чечень, Атаги, Чахкери, Ахшпатов-Гойта, Чонгурой-Юрт, Урус-Мартан, Таиб, Гажи-Рошни, Гехи, Чурек-Рошни, Пешхой-Рошни. Однако через неделю после начала похода Галафеева чеченцы смогли собрать довольно внушительную силу (это были преимущественно жители Малой Чечни) и 10 июля в Гехинском лесу состоялось сражение.

На следующий день, 11 июля 1840 г. на берегах реки Валерик, недалеко от селения Гехи, произошел тот самый знаменитый бой, описанный Лермонтовым в стихотворении «Валерик». Это был классический лесной бой, о котором военный историк А. Юров писал: «Если лесной бой вообще принадлежит к числу труднейших операций на войне, то картина боя в вековом чеченском лесу поистине ужасна. Здесь управление войсками невозможно и начальству оставалась одна надежда на беззаветную доблесть и боевую сметку солдата. Неприятель был невидим, а между тем каждое дерево, каждый куст грозили смертью. Едва разорвется цепь или часть ослабеет от убыли, как, точно из земли, вырастали сотни шашек и кинжалов и чеченцы, с потрясающим даже привычные натуры гиком, бросались вперед. Хороший отпор – и все снова исчезает, только пули градом сыпятся в наши ряды, но горе, если солдаты терялись или падали духом: ни один из них не выносил своих костей из лесной трущобы. В данном случае (т.е. под Гехами, у реки Валерик. – Ш. Г., В. М.) чеченцы имели дело с закаленными в боях кавказскими полками: имена курицев, графцев, кавказских сапер и мингрельцев сами говорят за себя. Но, констатируя факт полной геройской доблести войск, нельзя не послать упрека начальнику чеченского отряда: произведи он тщательную рекогносцировку, да будь более осмотрителен, – вероятно, на берегах Валерика не пришлось-бы пролить столько дорогой русской крови» [8, 305-306]. В бою на реке Валерик обе стороны понесли серьезные потери. Горцы потеряли 150 человек убитыми. С российской стороны «убито 6 обер-офицеров, 65 нижних чинов, ранено 2 штаб и 16 обер-офицеров, 1 чиновник и 198 нижних чинов, вез вести пропал 1 обер-офицер» [8, 307]. Сам Лермонтов в письме другу так описывал этот бой: «У нас были каждый день дела, и одно довольно жаркое, которое продолжалось 6 часов сряду. Нас было всего 2000 пехоты, а их до 6 тысяч; и все время дрались штыками. У нас убыло 30 офицеров и до 300 рядовых, а их 600 тел осталось на месте – кажется, хорошо! Во-

образе себе, что в овраге, где была потеха, час после дела пахло кровью...» Как видим, официальные цифры потерь несколько расходятся с теми, что приводит участник Валерикского боя Лермонтов. Работая над стихотворением «Валерик», Лермонтов выбросил оттуда многие строки, рисующие жуткие подробности сражения. Вовсе не потому, что щадил будущего читателя, а в поисках точного образа, чтобы в привычной уже обыденности войны передать весь ужас происходящего. Пытаясь утолить жажду, герой «Валерика» хочет зачерпнуть воды из горной реки, но «мутная волна была тепла, была красна...» [6, 36]

Любая война – это ужас, кровь и жертвы, многочисленные жертвы. Реалии Кавказской войны были особенно страшными. И особенно для Чечни, где население оказывало упорное сопротивление. Анализируя действия российских войск в Чечне в начале 1840-х гг., петербургский историк В. Лапин отмечает: «Карательные отряды истребляли все на своем пути. Земли в районе Сунжи были превращены в настоящую пустыню, жители или бежали, или погибли. Особое место в истории этого периода войны заняла экспедиция под командованием генерала Галафеева. Его двухтысячный отряд громил Малую Чечню, 11 июля попал в засаду на реке Валерик, где произошло одно из самых кровавых сражений на Кавказе, известное благодаря стихотворению М. Ю. Лермонтова» [9, 135].

Другой русский поэт XIX в., также участвовавший в Валерикском бою, Константин Белевич, писал в своих мемуарах: «Едва ли в мире есть другая страна, подобная Чечне, где с любого возвышения на левом берегу Сунжи можно, в ясную погоду, простым глазом окинуть столько орошенных кровью окрестностей – окрестностей, где каждый куст, каждая рытвина были свидетелями последнего вздоха умиравшего; где каждая поляна, каждый брод через речку, каждый вход в ущелье видели, в продолжение многих лет, за раз сотни и тысячу смертей, паривших над долинами Сунжи и Аргуна...» [2, 172] Так же, как и Лермонтов, Белевич оставил описание Валерикского боя 11

июля 1840 г. в стихотворении «Валерик, Гехи и Асса», где писал: «Что теснины Дагестана! // Вся гехинская поляна, // Словно плуг ее вспахал, // Была ядрами изрыта, // И телами вся покрыта // Кто не скажет, кто видал, // Что чеченские кинжалы // Там прикладов не рубали, // Не зубрились о штыки? // Будут памятны Гехи» [2, 122].

Жуткие реалии Кавказской войны вызвали неприятие и отторжение у многих здравомыслящих людей, вынужденно принимавших участие в этой трагедии. И не случайно, что именно после Валерикского боя Лермонтов и напишет свои известные строки: «Окрестный лес, как бы в тумане // Синел в дыму пороховом, // А там вдали – грядой нестройной, // Но вечно гордой и спокойной, // В своем наряде снеговом // Тянулись горы, – и Казбек // Сверкал главой остроконечной // И с грустью тайной и сердечной, // Я думал: жалкий человек... // Чего он хочет? ... Небо ясно, // Под небом места много всем, – // Но беспрестанно и напрасно // Один враждует он... зачем» [10, 145].

Это стихотворение от начала и до конца пронизано состраданием. Гениальность Лермонтова проявляется и в том, что по духу «Валерика» совершенно не видно, на чьей стороне поэт, хотя он мужественно и храбро, презирая опасность, сражался против горцев.

Весной 1840 г. в Чечне происходит всеобщее восстание. Оно было вызвано крайне репрессивной политикой генерала Пулло, командующего российскими войсками в Чечне. Даже у авторов XIX в., даже у представителей т.н. «официально-охранительной историографии» об этом генерале и его деятельности не находится ни одного доброго слова. Именно его политике в Чечне Россия и Северный Кавказ обязаны тем, что восстание охватило и равнинную, и горную Чечню, Шамиль был провозглашен здесь имамом и началась самая кровопролитная страница Кавказской войны – т.н. «блистательная эпоха» Шамиля, когда именно чеченцы составили костяк повстанческой армии имама, превратившись в самую упорную и организованную

силу этой войны – этой трагедии XIX века. Лермонтов как историк этой войны не мог не написать об этом восстании. Он подыскивал, видимо, удачную фразу, чтобы отобразить чеченские события 1840 г. «Чечня восстала вся кругом», – слишком, видимо, сухо. «В Чечню сходились удальцы», «В Чечню стекалась молодежь». Остановился поэт на последнем варианте. «Из гор Ичкерии далекой // Уже в Чечню на братний зов // Толпы стекались удальцов» [10, 169, 288, 290].

Весьма интересно и другое: всеобщее восстание в Чечне 1840 г. почти теми же словами, что и Лермонтов, описал и Белевич: «Как бурные весною воды // Из снеговых и черных гор, // Стеклись, поклявшись смыть позор, // Притоков сунженских народы: // На берегах их матери-реки // Уже селились казаки // И, не давая им покою, // Аулы ближние пожгли. // Весь правый берег за рекою // Опустошив, с мечом прошли» [2, 12].

Годы, проведенные на Кавказе, Лермонтов назовет «самым счастливым временем» своей жизни. Кавказу, традициям его народов, событиям, происходившим здесь в первой половине XIX в., посвящены лучшие произведения великого поэта. О многом говорят величавые строки Лермонтова, в которых он признается о любви к Кавказу: «Приветствую тебя, Кавказ седой! //... Прекрасен ты, суровый край свободы... // Как я любил, Кавказ мой величавый, // Твоих сынов воинственные нравы («Измаил-бей»).

Поэма «Аул Бастунджи», написанная в 1832 г., начинается так: «Тебе, Кавказ, суровый царь земли – // Я снова посвящаю стих небрежный // Как сына ты его благослови! // И осени вершиной белоснежной! // От ранних лет кипит в моей крови // Твой жар и бурь твоих порыв мятежный // На севере, стране тебе чужой, // Я сердцем твой – всегда и всюду твой» [11, 168, 191-192].

Современный исследователь кавказского творчества Лермонтова А. А. Шамурзаев отмечает, что в стихотворении «Валерик» поэт «впервые выразил свое отношение к вражде, существующей между людьми на земле. Он осмыслил этот важный и враж-

дебный духу человека вопрос непосредственно на поле Валерикского сражения» [12, 150].

Дело, однако, в том, что Лермонтов был не первый и не последний участник Кавказской войны, который задавался этим вопросом: «Зачем враждует человек?» Этот философский вопрос порождался огромным диссонансом между изумительной красотой кавказской природы и страшными сценами Кавказской войны.

По имеющемуся у нас материалу, впервые в литературе он был введен в оборот бароном Торнау при описании Герменчукского боя 1832 года.

В феврале 1832 г. кавказский наместник Розен открыл очередную кампанию военных походов в Чечню. Во время зимнего похода 1832 г. были полностью уничтожены селения Казах-Кичу, Большие и Малые Самашки, Галай-Юрт, Закан-Юрт, Большие и Малые Кулары, Алхан-Юрт, Урус-Мартан и множество мелких хуторов, примыкавших к ним [13, 674; 14, 100]. Интересно отметить, что в Петербурге осудили поход Розена как «бесполезный» в деле умиротворения чеченцев [13, 674]. (Джон Ф. Баддели писал: «Розен, откровенно не разбиравшийся в ситуации, все более подпадал под влияние Вельяминова», который, «несмотря на категорический запрет императора проводить локальные рейды», выступал за карательные акции против горцев [15, 195]). Тем не менее, летом 1832 г. российские войска предприняли новый поход в Чечню. В конце июля – начале августа Розен провел операцию против ингушей, а Вельяминов – против карабулаков и галашевцев. В середине августа эти две колонны российских войск соединились (15-20 тыс. штыков) и вторглись в Малую Чечню. С 15 августа и вплоть до 6 октября «русские отряды колесили по Малой и Большой Чечне, по Ичкерии, разоряя на своем пути и уничтожая сады, поля и аулы». Чеченцы оказывали упорное сопротивление. Особо ожесточенные схватки произошли в лесах под Гойты (27 и 30 августа) и при уничтожении Герменчука (4 сентября) [16, 95]. Участником штурма Герменчука был

декабрист-поэт А. И. Полежаев, посвятивший этому бою стихотворение «Кладбище Герменчукское».

Герменчук в то время был самым большим и богатым аулом в Чечне (в нем было около 600 домов). Поскольку у жителей аула не было артиллерии, то на практически ровной местности отбиться от хорошо вооруженной армии у его жителей не было ни малейшего шанса. Тем не менее, защитники аула показали чудеса героизма. Большая часть аула была взята, как только Вельяминов отдал приказ о штурме. Однако на одном конце селения стояли три сакли, где засела группа чеченских и дагестанских повстанцев.

Дома вскоре были подожжены солдатами. «Горящие сакли стали разваливаться, искры разлетались по всему саду. Из дымящихся развалин выползли шесть раненых дагестанцев, которые лишь чудом остались в живых. Солдаты подняли их и отнесли в палатки, где им оказали врачебную помощь. Ни одного чеченца не удалось взять живым. В пламени погребло 72 человека.

Начался последний акт этой кровавой драмы. Ночь накрыла поле боя. Все выполнили свой долг в соответствии с совестью и убеждениями. Главные действующие лица ушли в вечность; остальные, вместе со зрителями, укрылись в своих палатках. Вероятно, в глубине души задавали себе вопрос – кому и зачем все это нужно? Разве на земле мало места всем, вне зависимости от языка, на котором они говорят, и вероисповедания». (Выделено нами. – Ш. Г., В. М.) [17, 133-135].

Как уже упоминалось выше, участником военных действий 1832 г. в Чечне, в том числе и Герменчукского боя, был и сосланный на Кавказ поэт-декабрист А. Полежаев. 25 мая 1832 г. он писал к своему другу А. П. Лозовскому: «Среди ежедневных стычек и сражений при разных местах в Чечне, в шуму лагеря, под кровом одинокой палатки, в 12 и 15 градусов мороза, на снегу, воспламенял я воображение свое подвигами прошедшей битвы, достойной примечания в летописях Кавказа, и в 11 дней написал присылаемый к тебе “Чир-Юрт”» [4, 259].

Военные действия в Чечне в 1832 г. были чрезвычайно кровопролитными, сопровождались уничтожением большого количества чеченских селений. Поэма «Чир-Юрт» написана Полежаевым под впечатлением тяжелого боя под одноименным чеченским селением и его последующего уничтожения. «Чир-Юрт отважный, непокорный! // Ты грозно бился, грозно пал // С твоей гордынею упорной... Все истребляет, бьет и губит // Кинжал и шашка казака. //... Неумолимая рука не знает строгого разбора: // Она разит без приговора // С невинной девой старика // И беззащитного младенца» [4, 273], – восклицает поэт.

Участник и свидетель многих сражений в Чечне и в Дагестане, Полежаев приходит к важному выводу о том, что насилие порождает новое насилие, что бесконечные походы российских войск против горцев не ведут к их «умиротворению». Регулярные военные действия против горцев начались, по мнению Полежаева, еще при Ермолове, но мира на Кавказе все еще нет. «Ермолов, грозный великан // И трепет буйного Кавказа! // Ты, как мертвящий ураган, // Как азиатская зараза, // В скалах злодеев пролетал». Затем – время генерала Грекова, его походов против горцев. Но каков результат: «Что грохот вашего Перуна? // Что миг коварной тишины? // Народы Сунжи и Аргуна – // Доныне в пламени войны. // Брега Койсу. Брега Кубани // Досель обмыты кровью брани» [4, 264-265]. И, наконец, полное отрицание войны как средства решения любых проблем: «Да будет проклят злополучный, // Который первый ощутил // Мученья зависти докучной: // Он первый брата умертвил! // Да будет проклят нечестивый, // Извлекший первый меч войны // На те блаженные страны, // Где жил народ миролюбивый!» [4, 272]

В то же время, справедливости ради, нужно отметить, что Полежаев в своих «кавказских» произведениях неоднократно употребляет по отношению к горцам эпитеты «хищники», «варвары», «злодеи», «враги» и т.п. То, чего никогда не позволяли себе ни А. С. Пушкин, ни А. Бестужев-Марлинский, ни М. Ю. Лермонтов, ни

Л. Н. Толстой. У Лермонтова же практически все «кавказские» произведения проникнуты чувством глубокого уважения к народам Кавказа. Так, образ старика-чеченца ассоциируется у него с народной мудростью: «И под столетней мшистою скалою // Сидел чечен однажды предо мною // Как серая скала, седой старик, // Задумавшись, главой своей поник... // Быть может, он о родине молился! // И, странник чуждый, я прервать страшился // Его молчанье и молчанье скал: Я их в тот час почти не различал!» [11, 175]

Участником военных действий в Чечне в 30-40-е гг. XIX в., в самый ожесточенный период Кавказской войны, был и декабрист А. П. Беляев, который также повторил мысли Торнау, Полежаева и Лермонтова о бессмысленности и бесчеловечности войны и вражды между людьми. В своих воспоминаниях о военной экспедиции 1842 г. в Чечне он писал: «Какая противоположность! Прелестная роскошная природа, светлые небеса, беспечно журчащие струи живописной реки, картины мира и тишины – и ожесточенная борьба человека, проливающего с наслаждением кровь своего ближнего, хотя и врага» [18].

Тема отрицания войны как средства решения земных проблем будет почти дословно продолжена вслед за Лермонтовым и другими русскими литераторами, в том числе и Л. Н. Толстым – в первом же его кавказском произведении «Набег». Размышляя о страшных буднях Кавказской войны, Лев Николаевич пишет: «Неужели тесно жить людям на этом прекрасном свете, под этим неизмеримым звездным небом? Неужели может среди этой обаятельной природы удержаться в душе человека чувство злости, мщенья или страсти истребления себе подобных? Все недоброе в сердце человека должно бы, кажется, исчезнуть в прикосновении с природой – этим непосреднейшим выражением красоты и добра» [19, 99]. В кавказских произведениях Толстого война нарушила первоисходные представления человека о добре, поколебала изначальные нравственные нормы, отстаиваемые писателем. И в то же время

главная цель этих произведений, имеющих глубокий философский подтекст: уловить в бесчеловечных аномалиях войны своего рода гуманистическую «норму», сохраняющую, если можно так выразиться, критическую человеческую массу от нравственного распада [20, 115].

Толстой был непосредственным участником русско-горской трагедии XIX в., вошедшей в историю под названием Кавказская война. Величайший художник слова, глубоко совестливый человек, Лев Николаевич прежде всего обращал внимание на горе и страдания людей, которыми сопровождалась эта война, стремился философски осмыслить ее причины, дать ей объяснение, одновременно сопереживая страдающим. А Кавказская война в этом плане, увы, давала большое количество «пищи», «материала» для размышлений.

Толстой продолжил традиции Пушкина и Лермонтова в изображении горцев, но при этом выработал и свою концепцию. Пушкин и Лермонтов изобразили противоречия в горской среде, отношение героя к морально-нравственным установкам своего общества («Тацит»), показали его неукротимый свободолюбивый характер («Мцыри»). Время, прошедшее в русской литературе после Пушкина и Лермонтова и до появления Л. Н. Толстого, отрезвляюще подействовало на многих российских офицеров, видевших в Кавказской войне романтику, возможность отличиться, сделать быструю карьеру. Находясь много лет подряд в военных походах, они увидели ее будничную сторону, жестокость. Показать демократизацию взглядов русского офицера на войну, отрицание и осуждение войны через отношение к ней горцев и русских солдат, выявить лучшие стороны характера горцев, их богатый духовный мир – такова вкратце концепция Толстого в его кавказских произведениях [21, 61].

Во времена Пушкина и Лермонтова, особенно Пушкина, представления о северокавказских горцах в русском обществе были весьма смутными и искаженными. Горцы виделись «диким» народом, живущим войной и разбоями. Так, поэт В. А. Жу-

ковский в начале XIX в. писал о горцах так: «Как серны, скачут по горам, // Бросают смерть из-за утеса...», а на досуге «...Об убийствах говорят, // Иль хвалят меткие пищали, // Из коих деды их стреляли, // Иль сабли на кремнях острят, // Готовясь на убийства новы...» (цит. по: [22, 347-348]) Эти представления наложили свой отпечаток и на первые кавказские произведения Лермонтова. В «Измаил-Бее» он пишет: «И дики тех ущелий племена, // Им бог – свобода, их закон война, // Они растут среди разбоев тайных, // Жестоких дел и дел необычайных» [11, 177]. К середине же XIX в., ко времени прибытия на Кавказ Л. Н. Толстого, о горцах в России было известно уже намного больше. К тому же сам писатель начал изучать быт и нравы горцев и казаков. Молодой «вольнопределяющийся» Толстой был из той плеяды русской интеллигенции, которая стремилась разобраться в сущности кавказских событий, относясь без изначального предубеждения к Кавказу и к самим кавказцам. Лев Николаевич прибыл на Кавказ, чтобы познать его, а не ради чинов и увеселений.

Знакомство с Кавказом у Толстого начинается с гребенских казаков. История терско-гребенского казачества, этого уникального явления в истории России, по-настоящему увлекла молодого офицера. Для Толстого казаки стали порождением взаимодействия и взаимовлияния двух культур – русской и кавказской. Толстой глубоко заинтересовался терскими казаками и стал их настоящим этнографом. Особо интересно то, что, по мнению писателя, беглые русские люди селились на чеченской земле, жили по-соседски с чеченцами, перенимали их традиции и обычаи. «На этой плодородной, лесистой и богатой растительностью полосе живет с незапамятных времен воинственное, красивое и богатое староверческое русское население, называемое гребенскими казаками, – пишет Толстой. Очень, очень давно предки их, староверы, бежали из России и поселились за Терском, между чеченцами на Гребне, первом хребте лесистых гор Большой Чечни. Живя между чеченцами, казаки перероднились с

ними и усвоили себе обычаи, образ жизни и нравы горцев; но удержали и там во всей прежней чистоте русский язык и старую веру...Еще до сих пор казацкие роды считаются родством с чеченскими, и любовь к свободе, праздности, грабежу и войне составляет главные черты их характера. Влияние России выражается только с невыгодной стороны: стеснением в выборах, снятием колоколов и войсками, которые стоят и проходят там». А то, что Толстой пишет дальше, требует особого внимания, отражает философию самого писателя и особенно актуально ввиду сегодняшних северокавказских реалий: «Казак, по влечению, менее ненавидит джигита-горца, который убил его брата, чем солдата, который стоит у него, чтобы защищать его станицу, но который закурил табаком его хату. Он уважает врага-горца, но презирает чужого для него и угнетателя солдата. Собственно, русский мужик для казака есть какое-то чуждое, дикое и презренное существо, которого образчик он видал в заходящих торгашах и переселенцах малороссиянах, которых казаки презрительно называют шаповалами. Щегольство в одежде состоит в подражании черкесу. Лучшее оружие добывается от горца, лучшие лошади покупаются и крадутся у них же. Молодец казак щеголяет знанием татарского языка и, разгулявшись, даже со своим братом говорит по-татарски» [23, 264]. Очень хотелось бы, чтобы казаки (кубанские, терские) сегодняшнего Северного Кавказа почаще читали Л. Н. Толстого, чтобы не забыть историю взаимоотношений своих предков с горцами.

В изображении Толстого война уже не является «стихийей» ни горца, ни казака. Тому и другому она приносит многочисленные беды и страдания. Видимо, именно для того, чтобы разбить сложившийся стереотип о горце как вечном разбойнике, Толстой в рассказах «Набег», «Рубка леса», в повестях «Казаки», «Кавказский пленник» и «Хаджи-Мурат» вывел множество картин, показывающих мирную трудовую жизнь северокавказских горцев. Толстого в горцах и в казаках привлекала главная чер-

та – свобода личности, живущей в гармонии с природой. Он писал: «Действительно хорош этот край дикий, в которой странно соединяются две самые противоположные вещи: война и свобода» [24, 279].

Отдельная тема – «Декабристы и Кавказ». Написано об этом немало, в большинстве своем – в пафосно-возвышенном духе. Много из написанного, конечно, соответствует истине. Но вопрос не так уж и прост: например, освещение взглядов Пестеля по поводу решения горского вопроса.

После подавления восстания декабристов на Кавказ было сослано около 100 офицеров и несколько тысяч солдат российской армии. Большинство этих офицеров – дворяне, воспитанные в лучших традициях русской аристократии, люди благородные, люди чести и уже потому не способные смотреть на горцев как на существ второго или десятого сорта. Разумеется, всем сосланным на Кавказ декабристам пришлось участвовать в военных действиях против горцев: шла кровавая Кавказская война. Верные воинскому долгу, чести, они разделяли опасности и тяготы войны со своими боевыми товарищами. Некоторые из них погибли в боях (А. О. Корнилович, А. М. Миклашевский – в Южном Дагестане, А. Бестужев-Марлинский – под Адлером и т.д.), другие – постоянно теряли друзей в многочисленных схватках с восставшими горцами. Но при этом храбрость, безграничное свободолюбие, стойкость и упорство горцев, готовых переносить во имя свободы огромные лишения и отдавать свои жизни, вызывали у декабристов восхищение.

В XIX в. много писали о праздности горцев, их нежелании трудиться, их «природной склонности к разбою» и «хищничествам». Увы, так пишут и сегодня некоторые авторы. Совсем недавно в одной из российских газет некто Владимир Попов опубликовал статью «Кавказская гряда проблем», в которой говорится, что на современном российском Кавказе присутствуют «головная коррупция, безработица (как будто бы всего этого нет в остальных частях России. – Ш. Г., В. М.), а если говорить более

точно, нежелание горцев связывать себя с производительным трудом, ... требующим физических усилий и дисциплины». Ответ на подобные пассажи еще в 30-е гг. XIX в. давали декабристы, которые в горах видели людей, которые добывали свой хлеб тяжким трудом в условиях суровой стихии гор и лесов. «Посмотрите на этого старика... – писал Бестужев-Марлинский. – Он в опасности жизни ищет стопы земли на голом утесе, чтобы посеять на ней горсть пшеницы. С кровавым потом он жнет ее и часто кровью своей платит за охрану стада от людей и зверей. Бедна его родина, но спроси, за что любит он эту родину... Он скажет: здесь я делаю, что хочу, здесь я никому не кланяюсь, эти снега, эти гольцы берегут мою волю» [25, 482].

Декабрист, писатель Е. Лачинов, также участвовавший в летней экспедиции Розена в Чечню в 1832 г., описывая уничтожение селения Мартан, отмечал: «В деревне все предано огню; истреблены и нивы ее непокорных обитателей, и они, поневоле, должны будут у нас на линии искать себе пропитание воровством и грабежом». Декабрист понимал всю бессмысленность военных методов покорения чеченцев. «... Не подобные экспедиции послужат к полному усмирению горцев», – подчеркивал он. Пораженный стойкостью чеченцев в защите своей свободы против абсолютно превосходящих сил, он назвал их «рыцарями гор» [26, 77, 81, 83].

То, что описывает Лачинов – это один из методов покорения восставших горцев в период Кавказской войны: массовое уничтожение горских аулов вместе с посевами (весной-летом), заготовок на зиму (осенью). При этом полностью вырубались плодовые деревья. Все это делалось для уничтожения продовольственной базы повстанцев. Этому наказанию в течение многих лет, на протяжении всей Кавказской войны, подвергалась вся чеченская равнина. И можно себе только представить, каким лишениям подвергалось население. Прежде всего – старики, женщины, дети. Подобные методы ведения войны встречали неприятие практически

у всех декабристов. Так же как Лачинов, другой декабрист, А. П. Беляев, описывает уничтожение чеченского аула Кишень в 1842 г.: «Во время стоянки приказано было разорять аул и рубить фруктовые деревья. С сердечным сокрушением смотрел я, как одно за другим валились многовековые, гигантские орешники, из которых каждый кормил целый год многолюдное семейство. Орехов на них бывает такое изобилие, что, вывозимые на базары, они доставляли хлеб и все нужное для дома – и все это гибло за то, что изуверству или фанатизму Шамиля угодно было поднять все эти племена на безнадежную, священную войну против нас» [18, 321].

Осуждая жестокие методы ведения войны со стороны российских войск (это встречается у многих декабристов), осуждая и горцев за их «хищнические набеги», некоторые из декабристов были уверены, что Кавказ должен быть российским уже в силу того, что в борьбе за его овладение пролито слишком много русской крови. Эта уверенность подкреплялась и убежденностью в том, что на Кавказе много лет идет «борьба цивилизации с варварством». Понятно, конечно, кто тут «варвары». Так, Беляев писал: «На Кавказской линии и вообще на Кавказе почти каждый шаг ознаменован каким-нибудь кровавым событием, а потому по праву принадлежит нам, потому что куплен, поистине, ценой дорогой крови. Не говоря о набегах, здесь беспрестанно расскажут вам о каком-нибудь частном кровавом происшествии ... Кавказские экспедиции того времени всем известны по многим описаниям людей, хорошо знакомых с кавказской войной и изучивших весь ход этой многолетней борьбы цивилизации с варварством, искупительного креста с полумесяцем» [18, 269, 303].

После окончания Кавказской войны, когда был завершен многовековой процесс присоединения народов Северного Кавказа к России, в последней трети XIX в. в регионе были проведены административные и экономические реформы, оказавшие огромное влияние на все стороны жизни горского общества. Именно

в этот период и именно в этих реформах проявилась преобразовательная, прогрессивная роль России на Северном Кавказе, о которой так много говорили в предыдущий период разные российские представители. Почему же ничего подобного, хотя бы несколько созидательного, не было предпринято в предыдущий период российско-горских отношений? Почему же до последней трети XIX в. горцам не показывали на деле преимущества пребывания в государстве Российском? Ведь до этого времени все эти «преимущества» сводились к еще большему усилению феодального гнета, установлению налогов и повинностей, жестких административных порядков, т.е. всего того, что мы называем колониальными порядками. Что и вызвало соответствующее сопротивление в форме вооруженной борьбы со стороны горцев. Ситуация же последней трети XIX в. на Северном Кавказе показала, что население тех районов, где шли реформы и жители втягивались в общероссийские экономические процессы, не поддержало дальнейшую вооруженную борьбу против российской власти. Во всяком случае, об этом свидетельствует опыт Чечни. В 1877 г. в горных районах Чечни вспыхивает вооруженное восстание под руководством Алибека Алдамова. Практически все жители чеченской равнины, активно втягиваемые в экономическую и культурную жизнь Российского государства, отказались от участия в восстании. Более того, с оружием в руках выходили на защиту своих сел от повстанцев. Пройдя страшный круг трагической Кавказской войны, они убедились в выгодах мирной жизни в рамках Российского государства.

Практически все декабристы выступали против жестоких силовых методов (которые они наблюдали в период своего пребывания на Кавказе – в 30-40-е гг. XIX в., в самый разгар Кавказской войны). Они полагали, что наиболее верные средства мирного установления российской власти в регионе – это справедливое управление, учет местных особенностей, торговые отношения, просвещение горцев

и т.д. Как показали дальнейшие события, именно этот путь в конечном итоге и привел к полному включению горцев в государственную и экономическую систему России и формированию единого Российского государства.

1. Гаджиев В. Г. Приют русского свободомыслия // Научная мысль Кавказа. 1995. № 4.
2. Белевич К. Несколько картин из Кавказской войны и нравов горцев. СПб., 1891.
3. Лорер Н. И. Записки декабриста. Иркутск, 1984.
4. Полежаев А. Стихотворения. Поэмы. Переводы. Воспоминания современников. М., 1990.
5. Родина. М., 2000, № 1-2.
6. Маркелов Н. Лермонтов на Кавказе: вкус войны оказался безмерно горьким // Новое время. 2000. № 8.
7. Юсупов А. У., Юсупов А. А. Чечня и Лермонтов (о лермонтовских героях-чеченцах). Элиста, 2004.
8. Юров А. 1840, 1841 и 1842 годы на Кавказе // Кавказский сборник. Тифлис, 1886. Т. X.
9. Лапин В. Армия России в Кавказской войне. XVIII-XIX вв. СПб., 2008.
10. Лермонтов М. Ю. Сочинения. В 6 т. М.-Л., 1954. Т. 2.
11. Лермонтов М. Ю. Сочинения. В 5 т. М.-Л., 1936. Т. 3.
12. Шамурзаев А. А. Роль и место чеченца Боты Шамурзаева в творчестве М. Ю. Лермонтова. Грозный. 2004.
13. АКАК. Т. VIII.
14. Вачагаев М. Чечня в Кавказской войне XIX ст.: события и судьбы. Киев, 2003.
15. Баддели Дж. Завоевание Кавказа русскими. М., 2007.
16. Гаммер М. Шамиль. М., 1998.
17. Т. Воспоминания о Кавказе и Грузии // Русский вестник. 1869. № 3.
18. Беляев А. П. Воспоминания декабриста о пережитом и передуманном. Красноярск, 1990.
19. Кавказ и Л. Толстой. 1898-1923. Владикавказ, 1928.
20. Хазан В. И. О вечных проблемах в кавказских рассказах Л. Н. Толстого // Л. Н. Толстой и Чечено-Ингушетия. Грозный, 1989.
21. Туркаев Х. В. Л. Н. Толстой и формирование северокавказского просветительства // Л. Н. Толстой и Чечено-Ингушетия. Грозный, 1989.
22. Фадеев А. В. Россия и Кавказ в первой трети XIX в. М., 1961.
23. Толстой Л. Н. Повести и рассказы. М., 1967.
24. Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений. М., 1936. Т. VI.
25. Бестужев-Марлинский А. А. Сочинения. В 2 т. М., 1936. Т. 1.
26. Лачинов Е. Исповедь // Кавказский сборник. Тифлис, 1877. Т. 2.